

Личный от-клик видимому свету

Увы, не дерзаем рассудить о состояниях духовных, не носим в себе следов практики подвижнического, аскетического делания – и говорим лишь о душе. Господи, не дозвошь соблазниться – соскользнуть в сторону – страну далече - на пути к Тебе!

Человек, проникающий в обаяние образного источника света, может осознать себя, как часть некоей тени, приникающей к тому, что про-явлено перед ним. Предстоим - свету, про-явившемуся в плоти, образовавшейся и образованной светом. Свет в человеческом естестве – и есть тот самый образ Божий, который заложен в замысле о сотворении человека. Не Самим ли Светом сотворён человек, не светоносность ли его души, тела, его духа – есть образ Божий и естественное состояние человечности. Насколько мы удалены от этого естественного состояния, насколько мы стали тенью и свое-вольно, свободно - не допускаем проникновение в себя Божественного света и затемняем светоносное естество, образ Божий в себе самих, - настолько мы перестаём быть, собственно, людьми, – со-общниками, со-трудниками, со-делателями, по-следователями родового чина сыновства Божьего. Насколько мы, из ложного ли смиренно-самооскопления - сами от-страняем себя от постижимости Бога, останавливая себя в катафатическом дерзновении ко свету. Сказано ведь нам: приидите все... стучите... просите... И да не ведёт это зывание к нам – к нашему устыженному от-странению от Зовущего. Достаточно вокруг уверений в непостижимости Бога. В крайнем выражении апофатическое отрицание возможности постижения человеком Божественного естества, следующее из вполне благочестивого отрицания божественности, как свойства самого человека, – вырождается в недо-верие, далее – в не-верие, в от-рицание Самого Бога, безмерно непреодолимо отстранённого от нас. Удаляясь сего, да не выплеснем из чаши нашего мировоззрения, нашего мировосприятия – не выплеснем их этой купели

Самого Христа, давшего нам Себя – к пониманию, к уразумению, к постижению, к восприятию, к о-Божению нашему.

Конечно же, не для подобных умствований, не для рассуждений вокруг да около образа, не для созерцания даже – создана эта живопись мастером. Быть может, так – Феофан выразил глубоко личное умонастроение, мирозозерцающий опытный настрой своей души, биение пылающего духа, со-гласного Богу, - как дудка Божия, говоря Есенинским словом, - пропел самого себя перед своим Господом. Пропел, не слишком заботясь о слушающих и неслышающих ли его... Высока тональность этого звучания, - не взять её, не настроиться даже безгласием своей души, беззвучием своего естества – не уподобиться ей. Но хоть несколько вывернуть себя на этот камертон... упорядочить себя перед этим образом, как видится, вполне возможно, восприняв этот образ, верным и целительным для своей души, для своего со-стояния вместе с Феофаном – пред Богом постигаемым, пред Богом, доступным, Богом, объемлющим нас, Богом, осязаемым нами в образе Своём. Как не разрешиться в этих рассуждениях молитвой: отче Феофане, несущий нисхождение света Божьего нам, моли Бога о нас, грешных, усиливающихся приникнуть к творениям твоих рук... Не о гармонии образа идёт речь, не о гармонии света и цвета, но о преимущественно духовном, живом отображении видимого земными средствами, земными чувствами – постигаемого Бога. Здесь, пред нами – образный пример того, как Самим Богом – сотворяется и созиждется Божья тварь, как устраивается мир в ладонях Божьих рук. Мир, который может свидетельствовать как о тепле этих ладоней, так и о том, что он, созидаемый, со-зиждимый и не-благо-дарный - ничего не ведаёт о Самом своём творце. Перед нами – свидетельство теплоты, перед нами, несомненно, – явственное ощущение мастером того, как он сам – соткан из светоносных энергий и всё, что в нём не относится к этому свету – есть лишь печальное удаление от своего истинного естества. Сгущаются перед нами видимые образы, - из-ображаются образы Божии перед нами и в самих нас. Настраиваемся на такое со-звучие из-ображений. Ощущаем отзвук, вибрирование звучащей в огреховленности нашей – чистоты, ищущей приникнуть к Творцу. И чем более открываем в себе звучание истинной чистоты нашего естества, тем большим трагизмом, болезненно отзываются в нас любые признаки зловучия греха от-ступления от света. Чем более явлен перед нами свет, не имеющий в образе своём никакой тьмы, тем более тяжело снести в себе образ Божий, затуманенным, тем более эпична невозможность собственными усилиями избавиться от чуждых затемнений, от онтологически усвоенных перемен в падениях, исход которым – изгнание невозвратное, недопустимое к Царским вратам Рая. Когда бы одна эта разделённость творения со своим Творцом, живущая во мне, была всеильна – не достало бы ни дерзновения, ни воли – продолжить бречное течение своей жизни. Непостижимости естества Божией природы должно быть уравниваемое самооткровением Бога и встречным движением человека – в самосознании себя самого, как существа светообразованного, но растрачивающего свой свет. Обнадёживаемся, опаматываем пред образами Божиими в ликах человеческих, изображённых кистью Феофановой. Словно бы мехи мощные – вдыхают в горнило нашей груди свежие потоки воздуха, раздувая тлеющие и остывающие угли сердечного нечувствия. Возблагодарим же мастера Феофана, вознесём к нему наши просительные молитвы о заступничестве перед Творцом – о неразумии нашем, о неведении кромешном. Испросим его самого – помочь нам постигнуть образ Божий в самих себе, образ Божий, несомненно уведанный мастером в себе, – хоть в малой части, и нам – прикоснуться пусть

бы к отсвету этого великого сиятельного... творческого и Бого-откровенного - художественного ведения.

Пред этими фресками, буквально вослед евангельским изречениям, - распознаёшь свет внутри себя, сущий, как тьма. Видя пред собою свет, сгущающийся образами - распознаёшь и ужасаешься пред этой наглядностью, опять же, - во след евангельскому слову: какова же тьма, если свет - мой - таков.

Христос - Солнце Прады, Светило, собирающее в Себе Свет Отца - Духа Святаго. Светило, распространяющее этот Свет, ниспосылающее этот Свет - Нам. Этим Светом объемлемы и со-зиждимы мы, и существуем - одним только Им. Существуем настолько, насколько Он приемлет нас, долготерпит нас. Про-являем себя во свете лишь настолько, насколько способны и сподобливаем-ся вос-принять этот Свет. Изъявляем своё светоносное существо, про-являем способность и свойства хождения в распознанном нами, объемлющем нас Свете... лишь насколько пробуждён в нас образ Света, как образ Божий. В изображениях Феофана мы вновь и вновь - находим, обретаем уверения в том, что человек может быть и по природе - естественно - причастен природе Божества, по Его Божественным энергиям, распространяющимся в мир, наполняющим мир. Господь наполняет Собою мир и человек может быть причастен именно - полноте Божественности, - об этом свидетельствует образ, это - живописует Феофан. Не принять это свидетельство - в силах каждого человека, как возможно - отвергнуть, отворотиться от откровения Господа. Высокоумно - отвергнуть саму возможность личного постижения, приникания, проникновения Бога к нам и нас - к Богу. Возможность причастия Божества - быть может это самый главный вопрос Богословия, вопрос человеческой жизни. Стяжание Духа Святаго в Его энергиях, стяжание Самого Бога - как цель человеческой жизни или как онтологически недостижимый гордынный фантом - пустой идеал, который лучше бы отвергнуть, чем пытаться обрести, либо даже приблизиться к нему...

Фресковый ансамбль пространственной иконы в храме - выражает полноту и мощь духовной целостности, средоточие духовной силы и единства духовных, душевных и физических потенциалов, возможностей, свойств человеческих составов русских людей в целостно - соборном единении. Эта целостность - свидетельство из времёнуже ли былинного... возможно - раскрытого в народе Божиим развитием человеческой общности - в Новгороде и в народе нашем периода высшего его становления, собирания, раскрытия его природных и духовных сил буквально накануне Донского побоища... Куликовской победы. Приникнем же... мысленно - прикоснёмся к образу.